

ГЛАВА 1

912 год от Рождества Христова

Дождь был мелкий, морозящий. Уже смеркалось, когда выехавший из леса обоз начал спускаться к реке. Лошади оскальзывались на мокрых камнях дороги, как на глине. Один из верховых отделился от остальных и направился к взбесившейся от дождя и мокрого снега реке. Там, где должен был находиться мелкий брод, сейчас ревел, бурля, могучий поток. Ехать дальше, пока не спадет вода, становилось просто опасно. Верховой повернул коня и подъехал к возглавлявшему отряд всаднику в дорогих мехах.

— Мы не сможем перебраться на тот берег, господин.

Говоря, он стряхивал капли влаги с длинных усов. Лицо его было худое, смуглое, на щеке кривой рубец от шрама, из-за которого его прозвали Меченым. На возглавлявшего отряд всадника он глядел устало и преданно.

— Мой герцог, думаю, нам не добраться сегодня до Реймса и заночевать придется там, — указал он хлыстом в сторону темных строений у обочины. — Скорее всего, это обычный постоялый двор. Там мы добудем огонь и крышу на эту ночь и...

— Помолчи, Эввар! — прервал его тот, кого назвали герцогом. Он был немолод, войлочный капюшон обрамлял его худое лицо с резкими морщинами, идущими от крыльев носа, и с тонкогубым, плотно сжатым властным ртом.

— Мессир Ренье, мы должны сделать остановку, — упрямо повторил мелит¹. — Лошади утомлены, да и люди тоже. Мы ведь идем без остановок от самого Компьена, и, видимо, нам не судьба найти достойное пристанище. Надо сделать остановку. Подумайте о своей жене.

— То-то, смотрю, ты волнуешься о герцогине Эмме больше меня! — сухо заметил герцог, но все же оглянулся туда, где в хвосте кавалькады виднелся крытый сукном возок.

Герцог женился всего несколько дней назад. Ему было почти пятьдесят, его жене — двадцать. До этого она была невенчанной женой правителя Нормандии герцога Роллона, который отказался от нее

¹ Мелит — воин-профессионал; так раньше называли тех, кого впоследствии станут называть рыцарями.

после того, как король Карл Простоватый предложил ему руку своей дочери принцессы Гизеллы. Эмма же была нужна Ренье, герцогу Лотарингии, как дочь покойного короля Эда, племянница самого могущественного сеньора Франкии Роберта Робертина, а также как племянница самого короля, ибо ее матерью была сводная сестра Карла Простоватого. В ней текла королевская кровь, и герцог рассчитывал благодаря женитьбе добиться короны, поскольку в своих лотарингских владениях он уже считался полноправным правителем.

Теперь же, после венчания с принцессой из рода Каролингов, он имел все основания писать Папе и требовать себе короны. Он был доволен и спешил в Реймс к королевскому двору, дабы объявить о своем браке с принцессой Эммой. И вот из-за наступившего сразу же после Рождества ненастья он вынужден был, как ни спешил, делать одну остановку за другой, и вождеденный час торжества все откладывался.

Это раздражало герцога Ренье не меньше, чем неожиданная слабость на ложе с женой. Он давно понял, что время любовных утех для него миновало, и уже не стремился брать к себе ночью смиренных рабынь и податливых служанок. Но все же не менял своего решения обвенчаться с Эммой. Она была ему необходима как жена, как залог его возвышения благодаря ее королевской крови. Но для стареющего герцога брак имел свои неприятные стороны. Супружеское ложе... на котором он оказался полностью несостоятелен. Сказалось ли застарелое ранение в паху, или мстила бурно проведенная молодость, или напоминал о себе возраст?... Крест честной, а ведь он знал людей и постарше себя, которые брюхатали крестьянок направо и налево! А вот он проявил с молодой женой полнейшее бессилие.

Глазами он хотел эту красавицу, он любовался ее упругим телом, ему нравилось касаться теплой шелковистой кожи Эммы и смотреть на ее восхитительное лицо. Он понял, что жаждет эту женщину, еще когда они миновали границу Нормандии и обвенчались в первой же придорожной часовне. Тогда он вдруг ощутил шум в крови, учащенное сердцебиение и, как только встретился с ожидавшей его на дороге свитой, велел разбить для себя с супругой шатер, несмотря на пронизывающий холод и сырость, от которых не спасали и войлочные стенки. Но его ожидал полнейший провал.

Тогда он свалил все на холод. Эмма послушно кивнула. Она вообще держалась покорно, приветливо, была даже мила с ним. Пре-

восходная супруга, к которой он все же почувствовал неприязнь, после того как в последние несколько раз, когда они ночевали в богатых аббатствах, где им выделяли прекрасные покои, он по-прежнему не смог выполнить супружеские обязанности. И тогда он решил поспешить в Реймс, где в отведенных ему во дворце короля апартаментах у них будут отдельные спальни.

И вот вновь остановка. Конечно, можно будет сослаться на усталость. Но когда он подумал о приветливой улыбке жены и ее стремлении казаться невозмутимой... Проклятая шлюха! Со своим варваром она, небось, проводила совсем иные ночи, даже родила ему сына. Роллон не отдал ей мальчика, но если она и тосковала по ребенку, то умело скрывала это. И хотя в глубине ее бездонных темных глаз герцог порой и замечал боль, она не переставала улыбаться, беспечно болтать с его воинами, даже кокетничать.

Ренье видел, какие взгляды бросали на молодую герцогиню его люди. Он понимал их и сердился. Главное, чтобы они ни о чем не догадались и слабость герцога не стала известна его сыну Гизельберту. Гизельберт почти ровесник Эммы, дерзкий парень, которому уже сейчас не терпится отстранить от власти постаревшего отца. Брак Ренье будет для сына полнейшей неожиданностью и свидетельством того, что Ренье еще не так стар... если, конечно, Эмма не проболтается.

— Ну так что, мессир? — вновь спросил Эввар Меченый. — Каковы будут ваши указания?

Ренье мрачно глядел на пенные потоки реки, на дождь, на темнеющее небо.

— Будем делать остановку.

Хозяйева харчевни поначалу испугались, когда их двор заполнила толпа вооруженных всадников, но быстро оправались, прикинув, что постоя знатных особ несет большие выгоды, и торопливо стали расталкивать уже дремавших на соломе под стенкой обычных постояльцев. Те сами поспешили убраться, когда под низкой притолокой входа стали появляться один за другим вооруженные люди — уж лучше переночевать в хлеву или на конюшне, чем вызвать неудовольствие господ.

Сырые поленья в открытом, обложенном булыжником очаге плохо разгорались, и низкое, крытое тростником помещение сразу наполнилось дымом. За перегородкой испуганно замычала корова, куры сослепу заметались под ногами вошедших. Те чертыхались, ругались на незнакомом диалекте. К едкому запаху дыма примеша-

лась вонь от промокших кож, давно не мытого человеческого тела, оружейной смазки. Но воины в основном были довольны: снимали высокие конические шлемы, стряхивали воду с плащей, прислушиваясь к шуму дождя за обмазанными глиной стенами.

Все еле разместились. Стало жарко. Хозяин сразу понял, кто здесь господин, и угодливо кинулся к нему. Тот неторопливо снял мокрый войлочный капюшон. Голова наполовину лысая, за ушами длинные, пегие от седины волосы заплетены в косицы. Сухая породистая голова покоится на мощной, но с дряблой гусиной кожей шее. Герцога так и величали — Ренье Длинная Шея. Но хозяин этого не знал. Он видел перед собой только богатого старого господина в роскошной серебряной кольчуге. В рукояти его меча, завистливо-цепким взглядом отметил хозяин, сверкали такие камни, что на них можно было приобрести не один господский манс¹ с литами² и рабами в придачу. Он тут же стал прикидывать, какие выгоды можно извлечь из постоя столь вельможных гостей.

Затем в помещение вошли женщины. Две — явно служанки, а третья — с первого взгляда понятно, что госпожа. Хозяин невольно уставился на нее: святые угодники, что за красавица! Лицо нежное, бело-розовое, даже усталость его не портила! Глаза темно-карие, огромные, опущенные длинными ресницами, глядят утомленно и равнодушно, но под красивыми, черными как смоль бровями они удивительно прекрасны. Особенно когда гостья откинула капюшон и темную глубину очей оттенили медно-рыжие, красноватого отлива густые волосы. Ее по-детски полные губы обветрились, но, когда она что-то сказала одной из служанок и засмеялась, стали видны ровные белоснежные зубы, а на щеках появились очаровательные ямочки.

— Эй, любезный, ты что, подобно жене Лота превратился в соляной столп? — рявкнул один из воинов, и его угрюмое лицо с уродливым шрамом красноречиво засвидетельствовало, что он не собирается ждать, пока хозяин постоялого двора налюбуется госпожой. Он хмуро сверкнул глазами из-под надвинутой на лоб шапки.

Хозяин засуетился. Стал расспрашивать, кто такие его знатные гости. Даже рот открыл, узнав, что его почтили посещением сам герцог Лотарингский с женой. С женой?.. Он-то поначалу решил, что это его дочь. Хорошо, что предупредили. Теперь он уступит ло-

¹ Манс — земельное владение с усадьбой.

² Литы — полусвободные общинники, близкие по своему статусу к крепостным.

тарингской чете свою комнату. Не бог весть что, но там имеется глиняная печурка, на кровати свежее овчинное покрывало. Есть даже окошко, затянутое бычьим пузырем. Однако он не уверен, что его скромных припасов хватит, чтобы угодить светлейшему герцогу и досыта накормить всех господ воинов.

Эврар хмыкнул так, что зазвенела кольчуга. Неужели этот трактирщик осмелился надеяться, что его господин притронется к убогой пище постоялого двора? Нет, они имеют с собой достаточно, чтобы не знать ни в чем нужды. Воин вышел с хозяином и его домочадцами к одной из телег, где в свертках была упакована провизия: пшеничные лепешки, свиное сало, буженина, сушеная оленина, два бочонка с рейнским вином.

Вскоре в котелке над огнем весело булькала похлебка, а хозяйка, судорожно глотая слюну, резала на дощечке душистую буженину.

Эмма присела на скамью рядом с мужем. Он даже не поглядел в ее сторону. Эмме была непонятна его неприязнь. Ведь до венчания герцог вел себя совсем иначе, был заботливым, учтивым. Она думала, что сможет стать ему доброй женой из благодарности — после отречения от нее Ролло к ней все относились равнодушно, если не сказать враждебно. Теперь же она — герцогиня Лотарингии, по статусу ничем не уступающая своему прежнему мужу. Как же ей хотелось, чтобы он узнал об этом, чтобы не думал, что брошенная им женщина пропала в неизвестности!

Но сын... малыш Гийом, которого ей не суждено больше увидеть! Эмма сцепила зубы, чтобы не застонать, и заставила себя улыбнуться служанке, которая поднесла ей миску с похлебкой. Ей не следует думать о Гийоме!.. Лучше не вспоминать... об этих маленьких пухлых ручонках, которые тянулись к ней, о том, как нежно он посапывал во сне и что-то лепетал, причмокивая губками... Господи, как выдержать эту боль?!

Нет, ей надо убедить себя, что малышу лучше оставаться с отцом. Ролло любит его, и Гийом ни в чем не будет нуждаться. С ним преданные люди — кормилица Сезинанда и ее муж Бернард, преданный Ботто и его хозяйственная жена. Да, малыш в надежных руках. И если он не будет знать матери... Что ж, в этом не ее вина! И лучше не думать о прошлом, иначе она не выдержит и вновь разрыдается на глазах у не понимающих ее людей. Нет, она не станет жаловаться, не хочет, чтобы кто-то заподозрил, как ей плохо, как хочется спрятаться от всех и плакать, плакать, плакать...